

© Д.А. Баранов

Музейная этнография: Музейная этнография в поисках материальности

Ключевые слова: этнографический музей, материальность, коллекции, материальные исследования, знание

Статья посвящена анализу специфики научного знания, порождаемого этнографическими музеями. Характеризуется известная инертность и консервативная природа музея, обусловленные, прежде всего, стоящими перед ним задачами по сохранению и «консервации» хранящегося в его стенах «своего» или «чужого» культурного наследия. Автором рассматриваются возможные пути выхода музейной этнографии за рамки присущих ей эмпирических описаний. Отмечается, что материальность коллекций — это тот ресурс, который до самого последнего времени оставался недооцененным музейными этнографами. Она определяет не только специфику этнографических исследований материальной культуры, но и саму природу этнографического знания, рожденного в стенах музея. Делается вывод, что включенность музейного этнографа в работу непосредственно с материальными объектами позволяет сформировать особые аналитические рамки музейных исследований, а концептуализация чувственного опыта общения с коллекциями предоставляет возможность значительно расширить понимание материальности вещей.

Вопросы субъективности/объективности антропологического знания и субъектности/объектности этнографического поля являются предметом дискуссий уже на протяжении последних нескольких десятилетий. Здесь я хотел бы объединить эти два аспекта и рассмотреть их в контексте музейной этнографии, что предполагает анализ специфики «музейного» знания и причин появления этой специфики. В этом мне поможет как раз такой субъективный фактор, как мой собственный профессиональный опыт работы в течении нескольких десятилетий в этнографическом музее, причем в начале карьеры в самой что ни есть «музейной» должности — хранителя коллекций, с одной стороны, и столь же продолжительного преподавания в университетах и сотрудничества с академическими институтами, с другой. Эта моя дисциплинарная «бинарность», нахождение между музейной и академической этнографией позволяет учитывать обе перспективы, «примеряя» их поочередно на себя, что в свою очередь формирует некую отстраненность, столь необходимую для исследовательской саморефлексии.

Баранов Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии русского народа, Российский этнографический музей (С.-Петербург). e-mail: dmitry.baranov@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4129-7771>

Для цитирования: Баранов Д.А. Музейная этнография в поисках материальности // Антропология/Anthropologies. 2025. No 2. С. 16–27, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/16-27>



Другая двойственность моей позиции заключается в том, что в моем случае этнографическое поле включает в себя не только собственно музей, который одновременно является и местом моей профессиональной деятельности, но и русскую сельскую культуру, но не в ее музейном отражении, а, так сказать, *in situ*. Это означает участие в «настоящих» этнографических экспедициях и непосредственное взаимодействие с объектом исследования. Работая в поле, наблюдая предметный мир в естественной среде или расспрашивая информантов о бытении вещей, я выступаю в роли «классического» этнографа, но работа по сбору и перемещению вещи в музейное собрание меняет мою оптику, поскольку в поле моего зрения попадает также и музейная жизнь вещи, которая обычно интерпретируется как «неестественная» или вовсе как конец ее «жизненного пути», и в силу этого не так часто привлекает внимание представителей академической антропологии.

Отмечу, что изъятие предмета из «живой» культуры автоматически превращает его, согласно достаточно распространенным среди этнографов представлениям, в этнографический экспонат (Дмитриев, Калашникова 1989: 82–83). Так, А.К. Байбурин высказывает сходные идеи о природе музейного предмета: «Попав в музейную коллекцию, вещь становится музейным экспонатом, и отныне она навсегда становится „знаком“». Ситуация специфическая и для вещей неестественная. В своей „нормальной жизни“ они, в зависимости от контекста, могли использоваться то в одной, то в другой ипостаси. В музее их практическая значимость отошла на второй план. На лодке никто не поплынет, шпагой никто не защитится» (Байбурин 2004). Если с утверждением об автоматическом превращении предмета в экспонат при попадании в музей можно согласиться — внешним знаком этой трансформации служит появление на его поверхности коллекционного или инвентарного номера, под которым он проходит в музейной документации, то суждение о разделении ситуаций на «естественные» и «неестественные», о нормальной и «ненормальной» жизни не кажется столь очевидным. Как будто есть настоящая живая культура, и есть нечто, исключенное из нее. Попадание вещи в музей и продолжение ее биографии в музейном статусе можно рассматривать не как что-то исключительное и противоестественное, а как, пусть альтернативный, но вполне естественный жизненный путь вещи.

Конечно, нельзя отрицать, что институт музеефикации имеет ярко выраженные умертвляющие коннотации, которые во многом способствовали сложению репутации музея как места стагнации и сопротивления изменениям (Ames 1986; Stocking 1985) или как методологической заводи, управляемой эмпиризмом (Smith 2010: 10). Но известная инертность и консервативная природа музея, обусловленные, прежде всего, стоящими перед ним задачами по сохранению и «консервации» хранящихся в его стенах «своего» или «чужого» культурного наследия, — это лишь одна, видимая сторона его жизни.

В самом деле, перемещения материальных объектов через различные среды, связанные с музеефикацией, обнаруживают новые возможности и потенциалы этих объектов. Например, каждая вещь, превращаясь в часть музейного собрания, становится распределенной во множестве учетных документов. Она приобретает нечто новое, а именно — «бумажные презентации». Она одновременно присутствует в книге поступлений, инвентарной книге, актах постоянного хранения, учетных и предметных карточках, топографических

и коллекционных описях, паспорте, цифровых изображениях, экспертных заключениях и других ипостасях, одни из этих ипостасей отличаются «текучестью», другие — неизменностью.

Пусть не вводит в заблуждение материальная природа коллекций — материальность вещей отнюдь не предполагает косность их природы и неподвижность. Как тонко подметил Т. Ингольд, материальность — это непрерывное движение, которое разрешается в форме вещи (*Ingold 2010: 7*). В музейных стенах вещи отнюдь не выглядят статичными объектами, находящимися в полном распоряжении музейных сотрудников. Они находятся в постоянном движении, в переходе из рук в руки и с места на место. Коллекции связывают этнографов долговременными отношениями по их хранению, реставрации, атрибуции, фотосъемке, отбору на выставки, и в этом смысле можно говорить о проявлении агентности в ее латуровском понимании. В таком контексте статус музейного работника выступает как продукт отношений с вещами, поскольку, чем ближе и долговременнее взаимодействия с ними, тем больше преференций получают музейные этнографы. Так, хранители благодаря тому, что они являются материально-ответственными за коллекции, занимают более прочные позиции в штатном расписании музея, поскольку, например, возможное их увольнение довольно затруднено, так как сопряжено с длительным и трудоемким процессом передачи коллекции преемнику. Они обладают неформальной властью допускать или нет к работе с коллекциями своих коллег; в качестве хранителей принимают непосредственное участие в организации выставок и имеют больше шансов, при прочих равных условиях, на зарубежные командировки с выставками в качестве их кураторов или соавторов.

В таком контексте суть работы музейных сотрудников заключается в контролировании этого движения. Если предоставить собрание вещей самим себе, они могут выйти из-под контроля: горшки разбиваются, мебель трескается, металл ржавеет, текстиль поедается молью. Эти изменения — «материя в движении» (Ингольд) — воздействуют и на людей: допущение разрушения, фрагментации, утраты экспоната будет иметь последствия для его «куратора», которые могут выразиться в изменении его статуса, финансовых потерях, а то и в увольнении. Сама работа с коллекциями по их хранению, реставрации, исследованию, атрибуции, каталогизации, экспонированию обусловила существование такой сложной институции как музей и содействовала укреплению взаимоотношений между людьми в музейном сообществе. В этом смысле музей представляет собой некий единый организм, где люди, вещи, места могут взаимодействовать «на равных».

Более очевидным и потому привлекшим больше внимания исследователей являются неоднократные изменения семантики вещи в музейный период ее биографии, то есть в качестве экспоната. Дженифер Харрис в этой связи, характеризуя новую музеологию, отмечает, что «по контрасту с концепцией, по которой в каждом предмете заложено его значение (а именно эта концепция лежит в основе всей логики работы традиционного музея), новая музеология требует интерпретации предмета, воспринимая его как инертную материю, смысл которой создается хранителями и аудиторией. Значение предмета, таким образом, исходит не от самого предмета, оно в него вкладывается» (*Harris 2011: 36*). Британская исследовательница Сьюзан Пирс также указывает, что значение объекта лежит как в самом объекте со всеми историче-

скими и функционалистскими способами конституирования этого значения, так и в равной степени создается в ходе его экспонирования, когда зритель наделяет экспонат уже своими смыслами (Pearce 2010: 217). Интерпретация в этом случае вытекает не из самого предмета, а из его взаимодействия с сознанием/воображением посетителя. Тони Беннетт в своем обобщающем исследовании пишет о музейных коллекциях как лишь о «манифестациях человеческих желаний» и указывает, что музейные экспонаты ценятся не за их полезность, а за способность продуцировать значения, то есть быть «семиофорами» (Bennett 2009: 165). В своем пределе постмодернистское мышление заявляет об отсутствии причин для того, чтобы наделять вещи теми или иными значениями, которые традиционно относились к ним; каждому хочется принять участие в создании значения (Pirs 1999: 16).

В этих и множестве других подобных высказываниях проявляется определенное смещение фокуса внимания музейных этнографов с, так сказать, «там и тогда» на «здесь и сейчас», то есть, в центре внимания оказывается новый — музейный контекст бытования предмета. В итоге музейная этнография парадоксальным образом превращается в «этнографию музеев этнографии» (Ko 2004: 72), поскольку в настоящее время она начинает заниматься не столько другими культурами, сколько анализом порождения значений при столкновении объектов, представляющих культуру других, с культурным контекстом репрезентирующей/доминирующей культуры. Вот эти-то значения и становятся предметом интереса этнографов. Неудивительно поэтому, что Джеймс Клиффорд говорит о музее как «контактной зоне» разных культур, в своем развитии разделенных обычно географически и хронологически, характеризующейся отношениями неравенства и трудноразрешимыми конфликтами (Clifford 1988: 192). Мишель Фуко обращает внимание на то, что современные музеи меньше внимания уделяют тому, что показывают, чем способом показа (Bennett 2009: 215). Г. Андерсон в свою очередь отмечает «парадигматический сдвиг» от «вещецентричности» музеев к ориентированности на посетителя (Anderson 2004: 402). Эти и другие высказывания отражают общую тенденцию, наметившуюся в музейной деятельности: смещение с веще-центричного показа на демонстрацию социальных взаимодействий.

Удивительно, что такой сдвиг зачастую оценивается положительно самими музеями, одну из причин смены приоритетов видят в «новой музеологии» в ее англосаксонской версии, под влиянием которой произошло устойчивое понижение приоритета предмета. Дж. Харрис приводит примеры некоторых музеев, в которых больше нет коллекций подлинных предметов, они либо берут предметы где угодно, как это делает Музей Сиднея, либо копируют, как это происходит в Музее Еврейской Диаспоры в Тель-Авиве (Harris 2011: 38). Вместо господства предмета основным фокусом музейной деятельности стали идеи. В некоторых случаях идеи выражаются даже без использования предметов и фотографий, потому что предполагается, что идея настолько важна и очевидна, что она не нуждается в материальных «реквизитах». Выставка идей без предметов демонстрирует широко распространенный коллапс музеефикации — изъятия и исследования — как определяющей формы деятельности музеев (Там же). Сам музей, как заметил Майкл Эймс, начинает рассматриваться как артефакт, а экспозиция, в которой музей представляет другие культуры, как культурное явление (Ames 1986: 32).

Подобные сдвиги в предметной области в сторону социального и дискурсивного сопровождаются неизбежными потерями, в частности, того, что стоит за репрезентациями, то есть, в данном случае — самой материальности. Собственно материальность становится «прозрачной» в концептуальном плане, превращаясь в знак социальных явлений. Этнография продолжает описывать предметы как зеркала, в которых отражается человек. А между тем, если перефразировать рассуждения М. Гаспарова о филологии, этнографа должны интересовать не только изображения в этих зеркалах, но и строение, материал, форма самих зеркал. На мой взгляд, именно материальная сущность вещей определяет не только специфику этнографических исследований материальной культуры, но и саму природу этнографического знания, рожденного в стенах музея.

Материальность — это тот ресурс, который до самого последнего времени оставался недооцененным музеинными этнографами. В самом деле, с одной стороны, телесность, осязаемость и мобильность большинства вещей порождали иллюзию легкости их научного описания и анализа, что в каком-то смысле снижало эвристическую ценность и престижность изучения предметного мира. С другой — рассмотрение физических характеристик предмета было отдано на откуп точным наукам. Даже в археологии физичность вещей остается неисследованной, за что критикуются современные археологические практики, изучающие «не вещи как таковые, а вещи как следы» (Джойс 2020: 180). Как отмечает Ян Ходдер, «во многих дискуссиях предпринимают попытки исследовать, как материя входит в социальный мир бытия. Но за рамками теоретического обсуждения физичность (физическая сущность) вещей остается неисследованной или передается для изучения ученым в области археометрии и археологии как отдельная и, по всей видимости, нерелевантная часть анализа» (Ходдер 2020: 97).

В итоге сама материальность — важный опознавательный признак предмета — оказалась, как уже отмечалось выше, слабо проблематизированной в музеиных исследованиях по сравнению не только с другими областями культуры, но и с другими характеристиками самой вещи. Все это привело к представлению о застойном характере музеиной этнографии, выразившемся, в частности, в рутинизации исследовательских процедур и отсутствии новых подходов в материальных исследованиях. Кроме того, сама консервативная природа музея как социального института, предназначенного, в том числе, для (со)хранения материальных объектов, не способствовала появлению каких-либо прорывов в этой области. Это дало основание Э. Шелтону говорить, что музеиная этнография продолжает чахнуть «внутри выстроенных сравнительных последовательностей сообществ и эмпирических описаний так называемых примитивных технологий» (Shelton 2000: 175), а еще раньше — почти сорок лет назад — канадскому антропологу М. Эймсу отметить при характеристике состояния науки в этнографических музеях, что исследования музеиных коллекций никогда не играли важной роли в развитии этнологических теорий и, более того, сами музеи являются не чем иным как прибежищем для «клоунов и неудачников» (Ames 1986).

Говоря об определенном кризисе музеиной этнографии, я имею в виду в первую очередь материальные исследования. И в отношении музеиной этнографии, и антропологии музея некоторыми исследователями высказывается

мысль, что в современном этнографическом музее не производятся знания, что музей — это лишь пространство презентации антропологических знаний, рожденных за его пределами. В такой перспективе экспозиция, например, не является оригинальным исследованием, поскольку основана на уже опубликованных работах. С таким утверждением сложно согласиться, поскольку музей является пространством сосредоточия и экспликации разнообразных исторически ограниченных и соперничающих друг с другом классификаций; в его стенах постоянно происходит процесс формирования новых культурных значений и этнографических реалий посредством перегруппировки и переименования вещей, создания коллекций и экспозиций. Более того, само группирование экспонатов — это акт классификации, который в свою очередь сообщает посетителю определенную теорию материальной культуры.

Некоторые исследователи делают акцент на субъективной природе знания, которое музей продвигает — оно имеет «свойство фантазии», потому что его производство возможно только с помощью воображения (Jordanova 2010; Tota 2004). Другие говорят о реконфигурации знания как средства культурного различия и агента социального контроля (Bennett 2009). Третьи указывают на «герменевтический круговорот», характеризующий специфику порождения знания в музейном пространстве, в котором происходит постоянный диалог между прошлым и настоящим, посетителем и экспозициями, порождающий новые значения (Hooper-Greenhill 2010; Pearce 2010). Наконец, до сих пор сильную позицию, особенно в отечественных музеях, имеет позитивистская трактовка знания, в рамках которой коллекции интерпретировались как объективированное и систематизированное научное знание, поскольку они представляют собой собрание подлинников, «свидетельств эпохи», «овеществленных реалий культуры». Подобный взгляд имеет долгую историю, достаточно вспомнить Н.М. Могилянского, сыгравшего важную роль в выработке теоретических основ музейной этнографии. Уже более 100 лет назад он говорил о верифицирующей функции музейного собрания, «ибо на объективном материале приходилось лишний раз проверить данные науки, причем рельефно выступали все пробелы, недочеты знаний, и создавался необходимый импульс для накопления нового материала, новой проверки и новых исканий» (Могилянский 1916: 305–306).

Подытоживая все вышесказанное, самое время задаться вопросом: каковы перспективы развития музейной этнографии в наши дни, может ли она составить конкуренцию академической этнографии/антропологии? Я не буду здесь касаться всех направлений дисциплины — в некоторых из них, например, в теории презентации или музейной коммуникации, музей сказал свое веское слово. Я остановлюсь только на той области знания, которая во многом определяет специфику музейной этнографии — это материальные исследования. Как представляется, именно в этой области, долгое время критикуемой за эмпиризм, у этнографического музея появляется шанс вернуть себе утраченный более века назад статус научного центра. На фоне произошедшего материального поворота в социальных и гуманитарных науках материальная природа коллекций позволила «институциональные минусы» музея превратить в его преимущество.

Подчеркну, что новые подходы к изучению предметного мира возникли вне стен музея — факт сам по себе неоднозначный, поскольку кому как

не музею быть в авангарде исследования материальной культуры, но, с другой стороны, как я уже говорил, такие его институционально обусловленные качества, как консерватизм и инертность, являются препятствием на пути появления новых теорий. Это стало проблемой для музейной этнографии, разрешение которой я связываю не только с применением «нemузейных» концепций материальности, но и с осознанием преимуществ именно музейных практик, предполагающих непосредственное взаимодействие с миром вещей посредством органов чувств.

В последнее время довольно много говорят о значимости для исследования материальной культуры восприятия «материальности» с помощью органов чувств и чувственного опыта исследователя. Одним из первых антропологов, указавших на значимость чувственного опыта исследователя, была Н. Сереметакис, подчеркивавшая, что «между телом и вещами, человеком и миром существует неразрывная связь, которая указывает на перцептивное построение истины как на непроизвольное раскрытие смысла через чувства», а собственно материальная среда может рассматриваться исследователем-антропологом как «сфера мультисенсорных записывающих устройств» (Seremetakis 2019: 6; Ваневская 2021: 12). Действительно, чувства, как и язык, являются социальным фактом в той мере, в какой они являются коллективным средством общения, которое является как произвольным, так и непроизвольным, стилизованным и личным (Seremetakis 2019: 6). Автор говорит об особой «перекрестной коммуникации чувств и вещей», на которой отчасти строится деятельность человека (Там же: 6–7).

На значении «предметной близости» в материальных исследованиях хотелось бы специально остановиться. В самом деле, можно ли изучать мир вещей, находясь в тиши кабинета, не задействуя органы чувств, игнорируя, например, тактильный и визуальный способы постижения природы вещей. Обращение к самому «материальному миру» через человеческие практики, включающие и эмоциональный опыт, может оказаться единственным способом его понимания. Включенность музейного этнографа в работу непосредственно с материальными объектами влияет и даже формирует аналитические рамки исследования. Почти каждый музейщик в отличие от посетителей имеет опыт тактильного контакта с экспонатами, чтобы учитывать его в материальных исследованиях, поскольку тактильность придает чувственно воспринимаемым объектам необходимую инструментальность. Например, как пишет британский археолог Джюлиан Томас, только взяв в руки «косу для подстригания травы, мы можем кое-что узнать о строении деревянной рукояти, и о дереве, из которого оно сделано, и о выборе металлического лезвия, даже не задавая явных вопросов» (Томас 2020: 295). Подобное соприкосновение с материальными объектами дает такое понимание природы вещей, которое не может предоставить чтение самых детальных музейных каталогов. Этот опыт, а также другие виды музейной работы — регистрация новых поступлений, атрибуция предметов, участие в дискуссиях на заседаниях закупочно-фондовой комиссии относительно статуса новых поступлений или страховой оценки коллекций, каталогизация коллекций, чистка и реставрация экспонатов, строительство выставок и экспозиций и т. д. — позволяют обратить внимание на своего рода «контактную зону» — зону человеческих чувств, к которым апеллирует вещь. Понятно, что область чувствования не всегда аналитически улавливается, но, несомненно, оказывает влияние на процесс производства знания.

Музейные этнографы связаны с коллекциями предметов особыми, взаимозависимыми «чувственными» отношениями, которые превращают объекты в субъекты, порождая множество историй об «оживших» экспонатах, двигающихся манекенах, «проклятиях» отдельных вещей. Эта «предметная» близость может принимать самые разнообразные формы: профилактическая чистка экспонатов, надевание костюма на манекен, а то и примерка его на себя, извлечение звуков из бубна или гуслей, собирание ткацкого стана для выставки и т. д. Например, опыт надевания женского аварского костюма сотрудником для фотосъемки привел к пониманию особенностей его ношения, в частности, как благодаря заправлению особым образом рубахи-платья в штаны образуются карманы. Другой пример связан с проектом по сканированию коллекций текстиля, в процессе реализации которого было выявлено, как во время изготовления витых и тканых поясов технологические аспекты переходят в визуальный план, определяя специфику орнамента. Была выдвинута гипотеза, согласно которой появление той или иной фигуры орнамента на текстильных предметах зачастую определяется не интенцией изготовителя, а технологией. Сам орнамент, по сути, становился экспликацией внутреннего плана вещи, делая визуальной, видимой ее конструкцию, показывая правила построения вещи, этапы ее создания (рассорт), обозначая границы перехода конструкции в форму, что не противоречит эстетическим функциям орнамента (Лысенко 2016).

Этнографическому музею еще предстоит сказать свое веское слово в изучении материальности. В отличие от академических исследований, в которых «телесность» вещи остается на периферии внимания, музейные практики просто вынуждают музейных сотрудников считаться с материальностью, поскольку, например, разный материал экспонатов предполагает тразные «сценарии» обращения с ними — речь идет об условиях хранения и экспонирования, приемах профилактической чистки и реставрации и т. д. Концептуализация этого чувственного опыта взаимодействия с предметным миром, как представляется, как раз и предоставит возможность найти, по словам Я. Ходдера, «место для материи в материальности» (Ходдер 2020: 98).

Литература

- Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 81–86. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/bab13.html>
- Ваневская В.П. Сенсорная этнография как методологический ресурс качественных исследований // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 8–26.
- Джойс Р.А. Жизнь с вещами: археология и материальность // Шэнкленд Д. (ред.). Археология и антропология. Прошлое, настоящее, будущее. Харьков: Гуманитарный центр, 2020. С. 165–181.
- Дмитриев В.А., Калашникова Н. М. О принципах комплектования фондов этнографических музеев на современном этапе // Советская этнография. 1989. № 2. С. 82–83.

- Лысенко О.В.* Выставочный проект «Орнамент: миф и структура»: опыт визуализации исследовательской концепции орнамента // Орнаментика в артефактах традиционных культур: Материалы Пятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016. С. 334–338.
- Могилянский Н.М.* Областной или местный музей, как тип культурного учреждения // ЖС. 1916. №4 С. 303–326.
- Pirce C.* Новый взгляд на старые вещи // Museum. 1999. № 4. С. 12–17.
- Томас Дж.* Археология, антропология и материальные вещи // Шэнкленд Д. (ред.). Археология и антропология. Прошлое, настоящее, будущее. Харьков: Гуманитарный центр, 2020. С. 285–301.
- Харрис Дж.* «Наша печаль, наше хрупкое мужество»: музеефикация и новая музеология // Вопросы музеологии. 2011. № 1(3). С. 31–41.
- Ходдер Я.* Археология и антропология: состояние взаимоотношений // Шэнкленд Д. (ред.). Археология и антропология. Прошлое, настоящее, будущее. Харьков: Гуманитарный центр, 2020. С. 93–108.
- Ames M.* What Could a Social Anthropologist do in a Museum of Anthropology // Museums, the Public and Anthropology. A Study in the Anthropology of Anthropology. Vancouver; New-Delhi: University of British Columbia Press and Concept Publishing Company, 1986. P. 26–36.
- Anderson G.* (ed.) Reinventing the Museum. Historical and Contemporary Perspectives on the Paradigm Shift. Walnut Creek: AltaMira Press, 2004. P. 1.
- Bennett T.* The Birth of the Museum. History, theory, politics. L.; N.Y.: Routledge, 2009.
- Clifford J.* The Predicament of the Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 1988.
- Hooper-Greenhill E.* 2010 Values in the Art Museum: Rethinking Communication and Learning // Carbonell B. M. (ed.). Museum Studies: An Anthology of Contexts. Oxford: Blackwell Publishing, 2010. P. 556–575.
- Ingold T.* Bringing Things to Life: Creative Entanglements in a World of Materials // Realities Working Papers. 2010. № 15. P. 1–14.
- Jordanova L.* Objects of Knowledge: A Historical Perspective on Museums // The New Museology. Ed. by Peter Vergo. L.: Reaktion Books, 2010. P. 22–40.
- Ko M. J.* Use of Objects to Represent the Other: A Comparative Study of the Ways of Representing the Other in Ethnographic Museums: MA Diss. / The University of Gothenburg. Gothenburg, 2004.
- Pearce S. M.* Museums, Objects, and Collections: A Culture Study. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press, 2010.
- Seremetakis N.* The Senses Still: Memory and Perception as Material Culture in Modernity. N.Y.: Routledge, 2019.

Shelton A. Museum Ethnography: An Imperial Science // E. Hallam, B.V. Street (eds.). Cultural Encounters. Representing «Otherness». L.; N.Y.: Routledge, 2000. P. 155–193.

Smith Ch. Museums, Artefacts, and Meanings // The New Museology. Ed. by Peter Vergo. L.: Reaktion Books, 2010. P. 6–21.

Stocking G. Essays on museums and material culture // Objects and others: Essays on museums and material culture. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P. 3–14.

Tota A. L. Museums and the Public Representation of Other Cultures: the Ethnic Exhibitions// Studies in Communication Sciences. 2004. No. 4/1. P. 201–218.

Research article

Baranov D.A. Muzeinaia etnografiia v piskakh materialnosti [Museum Ethnography in search of materiality]. Anthropologies, 2025, no 2, pp. 16–27, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/16-27>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Baranov D.A. | dmitry.baranov@list.ru | https://orcid.org/0000-0003-4129-7771 | The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), Department of Ethnography of the Russian People, Head of the Department

Abstract

This article analyzes the specificity of knowledge, generated by ethnographic museums. It characterizes the museum's notorious inertia and conservative nature, primarily due to the tasks of preserving and «conserving» the cultural heritage. The author examines possible ways for museum ethnography to move beyond its inherent empirical descriptions. He notes that the materiality of collections is a resource that has, until very recently, remained underappreciated by museum ethnographers. It determines not only the specifics of ethnographic studies of material culture but also the very nature of the ethnographic knowledge generated within the museum. The article concludes that the museum ethnographer's engagement directly with material objects allows for the development of a unique analytical framework for museum research, while conceptualizing the sensory experience of interacting with collections offers the opportunity to significantly expand our understanding of the materiality of objects.

Keywords: ethnographic museum, materiality, collections, material research, knowledge

References

- Anderson, G. (ed.) 2004. *Reinventing the Museum. Historical and Contemporary Perspectives on the Paradigm Shift*. Walnut Creek: AltaMira Press: 1.
- Baiburin, A.K. 2004. Etnograficheskii muzei: semiotika i ideologiya [Ethnographic Museum: Semiotics and ideology]. *Neprikosnovennyi zapas*, 1: 81–86. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/bab13.html>
- Bennett, T. 2009. *The Birth of the Museum. History, theory, politics*. L.; N.Y.: Routledge.

- Clifford, J. 1988. *The Predicament of the Culture: Twentieth-Century Ethnography, Literature, and Art*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press.
- Dmitriev, V.A., Kalashnikova, N.M. 1989. O principakh komplektovaniia fondov etnograficheskikh muzeev na sovremennoem etape [On the principles of acquisition of funds of ethnographic museums at the present stage]. *Sovetskaia etnografia*, 2: 82–83.
- Harris, J. 2011. «Nasha pechal, nashe khrupkoe muzhestvo»: muzeefikatsiia i novaia muzeologiiia [«Our sadness, our fragile courage»: museification and new museology]. *Voprosy muzeologii*, 1, 3: 31–41.
- Hodder, I. 2020. Arkheologiiia i antropologiiia: sostoianie vzaimootnoshenii [Archaeology and Anthropology: the state of the Relationship]. Shenklend D. (ed.). *Arkheologiiia i antropologiiia. Proshloe, nastoiashchee, budushchee*. Kharkov: Gumanitarnyi centr: 93–108.
- Hooper-Greenhill, E. 2010. Values in the Art Museum: Rethinking Communication and Learning. *Museum Studies: An Anthology of Contexts*. Carbonell B. M. (ed.). Oxford: Blackwell Publishing: 556–575.
- Ingold, T. 2010. Bringing Things to Life: Creative Entanglements in a World of Materials. *Realities Working Papers*, 15: 1–14.
- Jordanova, L. 2010. Objects of Knowledge: A Historical Perspective on Museums. The New Museology. Peter Vergo (ed.). L.: Reaktion Books: 22–40.
- Joyce, R. 2020. Zhizn' v veshchami: arkheologiiia i materialnost' [Living with Things: Archaeology and Materiality]. Shenklend D. (ed.). *Arkheologiiia i antropologiiia. Proshloe, nastoiashchee, budushchee*. Kharkov: Gumanitarnyi centr: 165–181.
- Ko, M.J. 2004. *Use of Objects to Represent the Other: A Comparative Study of the Ways of Representing the Other in Ethnographic Museums*. MA Diss. The University of Gothenburg.
- Lisenko, O.V. 2016. Vystavochnyi proekt «Ornament: mif i struktura»: opyt vizualizacii issledovatel'skoi koncepcii ornamenta» [The exhibition project «Ornament: myth and structure»: the experience of visualizing the research concept of ornament]. Ornamentika v artefaktakh traditsionnykh kultur: Materiali 15 Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii. SPb.: IPTs SPGUTD: 334–338.
- Mogilyanskiy, N.M. Oblastnoi ili mestnii muzei, kak tip kulturnogo uchrezhdeniya [Regional museum as a type of cultural institution]. *Zhivaia starina*. 1916, 4: 303–326.
- Pearce, S. 1999. Novyi vzgliad na starie veshchi [A new look at old things]. *Museum*, 4: 12–17.
- Pearce, S.M. 2010. *Museums, Objects, and Collections: A Culture Study*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution Press.
- Seremetakis, N. 2019. *The Senses Still: Memory and Perception as Material Culture in Modernity*. N.Y.: Routledge.

- Shelton, A. 2000. Museum Ethnography: An Imperial Science. *Cultural Encounters. Representing «Otherness»*. E. Hallam, B.V. Street (eds.). L.; N.Y.: Routledge: 155–193.
- Smith, Ch. 2010. Museums, Artefacts, and Meanings. *The New Museology*. Peter Vergo, ed. L.: Reaktion Books, P. 6–21.
- Stocking, G. 1985. Essays on museums and material culture. *Objects and others: Essays on museums and material culture*. Madison: University of Wisconsin Press, P. 3–14.
- Thomas, J. 2020. Arkheologija, antropologija i materialnye veshchi [Archaeology, Anthropology, and Material things]. Shenklend D. (ed.). *Arkheologija i antropologija. Proshloe, nastoiashchee, budushchee*. Kharkov: Gumanitarnyi centr: 285–301.
- Tota, A.L. 2004. Museums and the Public Representation of Other Cultures: the Ethnic Exhibitions. *Studies in Communication Sciences*, 4, 1: 201–218.
- Vanevskaya, V.P. 2021. Sensornaia ethnografiia kak metodologicheskii resurs kachestvennikh issledovanii [Sensory ethnography as a methodological resource for qualitative research]. *Interaktsiia. Interviu. Interpretatsiia*, 13, 2: 8–26.